

МОСКОВСКИЙ ПАЦИЕНТ

ПОВЕСТЬ

ОЛЕНА ПРИТУЛА

"И висят эти больные и искалеченные души, как жемчужины на бесконечной нитке одиночества".

- Владимир Ткаченко ("Ундервуд")

16+

Олена Притула
Московский пациент

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Притула О.

Московский пациент / О. Притула — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Олёна Притула автор с большой внутренней отвагой. Поскольку мало кто из пишущих представительниц прекрасного пола дерзнёт заниматься таким тяжёлым и серьёзным делом, как детская психопатология. В "Московском пациенте" есть скурпулёзность, точность и чёткая психологическая работа над образами. В общем-то, на прозаическом поле все равны, но Олёна героически выполняет тяжёлую мужскую работу - описывает и анализирует мир израненной детской души. И висят эти больные и искалеченные души, как жемчужины на бесконечной нитке одиночества.

Содержание

Кем ты будешь, когда вырастешь?	6
Эрзац	8
Черешня	12
Анжела	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Олена Притула

Московский пациент

Кем ты будешь, когда вырастешь?

Долгих Сергей.

7 лет.

При поступлении контакт затруднён. Мальчик плачет, дрожит всем телом, на вопросы отвечает односложно. Дезориентирован в месте и времени. Поведенчески выражен аффект испуга и растерянности: оглядывается, втягивает голову в плечи. Психопродукция в виде монотонной речи, повторяет одно и то же: «всё вокруг синее, вокруг война, всё сливается». Поступает в сопровождении мамы. Со слов мамы, состояние развилось остро при посещении магазина, когда мальчик «впал в состояние испуга и растерянности, стал плакать». Домой доставлен в сопровождении соседей, после чего мама вызвала скорую.

Ранее подобных состояний не переживал, в ведение психиатрической службы не поступал.

При осмотре пассивен, доступен осмотру, кожные покровы чистые, телосложение пропорционное.

Неврологически без видимой очаговой симптоматики, зрачки одинаковые, ширина зрачка обычная.

Из анамнеза жизни: родился от первой беременности, без перинатальной патологии, ранний период жизни протекал без особенностей, программа прививок выполнялась в детских учреждениях полностью. Детский сад посещал с 3х лет. Воспитывается мамой. По характеру впечатлительный, замкнутый. В школе успеваемость средняя. Сведений об отце нет. Болел ветрянкой, ОРВИ, ранее не стационарировался, наркозов, судорог, потери сознания не имел.

Диагноз при поступлении: реактивное состояние неясного генеза.

Ему не было и восьми, а он уже закончил школу. Это покажется странным, ведь вундеркиндом Сережа не был. Сперва Сережа завершил обучение в мечтах: очень уж не нравились ему строгие учителя, сложные домашние задания, да и каникулы казались слишком короткими. Вечерами, лежа на диване в углу единственной в квартире комнаты, которую все семь лет Сережа делил с мамой, он придумывал свою взрослую жизнь. В ней Сережа ездил на белом автомобиле и мог купить все игрушки, которые привлекали взор. В мечтах он был высокого роста, как те, что играют в баскетбол, и обязательно с бородой.

Ну, а потом вышло, что Сережа в самом деле закончил школу. Вернее, школа для него закончилась. Сережа заболел. Случайно. Он и сам не подозревал, что может вдруг вот так взять и заболеть. Была суббота. Мама послала Сережу в галантерею – у нее заканчивались нитки, а через час его привели домой знакомые мужчины и женщины и с ними незнакомый милиционер. Когда мама увидела Сережу, руки у него тряслись, лицо покраснелось, он говорил бессмыслицу. Много-много бессмыслицы: о войне и опасности, о том, что все кругом синего цвета, и он боится, потому, что все вдруг стало темным и одинаковым. Люди стояли в дверном проеме, не спешили расходиться, смотрели на Сережу с любопытством. А Сережа не унимался: плакал и рассказывал свое, сколько бы мама не гладила его лицо худыми тонкими пальцами. «Скорая» приехала быстро, без проволочек. Доставила Сережу в больницу. Это случилось в феврале. Мама Сережи шла по клежке, расплзавшейся под ногами земле, к Метро. Под желтой мохеровой кофтой она несла новое и страшное знание о том, что отныне и в феврале, и в марте, и в апреле, и во все последующие месяцы, в пути ее будет сопровождать полиэтилено-

вый пакет со свежим бельем и домашними гостинцами. Гостинцами, которым, как объяснил холеный безразличный психиатр, только и сможет радоваться ее Сережа.

Все оказалось правдой. Сережа жил в больнице. Он вырос, как и мечтал, в высокого парня. Врачи разрешали ему не бриться – так ему нравилась борода. Изредка бывало, что состояние его стабилизировалось. Тогда маме позволяли взять Сережу домой на несколько дней. И было ей в те редкие счастливые дни невыносимо тяжело и горько и, в то же время, совершенно не важно, кто засыпает на стареньком диване: Андрюша Плешивцев, имитирующий кошачьи повадки или смелый, отважный космонавт Джо. Отпуск пролетал очень быстро. Мама привозила Сережу обратно, доводила за руку до дверей мужского отделения, откуда тот безмятежно семенил по драному линолеуму в общий холл...

Эрзац

Катя Тумкина.

16 лет.

Поступает по направлению участкового психиатра, в связи с неправильным поведением. К специалистам обратилась администрация детского дома. Девочка ведёт себя агрессивно в отношении окружающих, нарушает нормы поведения, избивала учительницу. Поступает в сопровождении педагога-воспитателя. Контактна, ориентирована, без обманов восприятия. Жалоб не предъявляет. Формирует мотивы поступления: «Я избивала учительницу, меня хотят наказать и проверить моё психическое здоровье». Интеллектуально-мнестически сохранна. Фон настроения снижен. Неврологически без очаговой симптоматики. Родители воспитанием ребёнка не занимались с 2х лет. Последний контакт с близкими: с бабушкой 10 лет назад. Живёт и воспитывается в детском доме. Со слов девочки, росла и развивалась без особенностей, болела краснухой, ОРВИ, удаление аденоидов возраст 4х лет, отит среднего уха в 8 лет. Со слов педагога пубертат у девочки протекал с нарушениями поведения. В коллективе проявляет себя агрессивно, конфликтно, цинично.

Диагноз при поступлении: патохарактерологическое развитие личности, психопатоподобное поведение.

В тихом переулке в центре Москвы стоял детский дом. Поток желающих помочь детям, именитых и не очень, граждан, не иссякал. Здание выглядело привлекательным: свежескрашенные розовые стены веселили взор, заботливо возделанный сад навевал мысли о приятном отдыхе. Напоминая латунные часы «Полет» на руке консервативного сорокалетнего мужчины, детский дом являл собой образцовое изделие министерства образования. Менеджеры и клерки, идя тихим московским переулком, сквозь неплотный забор видели нарядно одетых, упражнявшихся на спортивных снарядах подростков, среди которых трудно было не обратить внимания на красавицу Катю Тумкину.

Около пяти лет в детский дом ее отвела бабушка, папина мама. Маму Катя не помнила, папу тоже. Почему бабушка так поступила, почему не определила в интернат, где дети не теряют связь с родственниками, Катерина не знала. Ни бабушка, ни персонал не объяснили. В те годы детский дом был не так популярен среди столичных филантропов, истории сиротских судеб было некому рассказывать.

Катя выросла в высокую, ладно сложенную, симпатичную лицом девушку. Если кто-то спросит ее сейчас, как прошли первые дни на новом месте, Катя равнодушно ответит: «Поплакала, потом успокоилась». Поступила она в начале девяностых, росла, бездарно отмеряя время от одних визитеров к другим, от подарка к подарку. В ее зеленых глазах мерцала тревога, природу которой она не могла объяснить. Совсем не хорошие, не светлые мысли терзали маленькое сердечко.

Катя часто представляла, что все, кого она знает, да и она тоже, вдруг умрут, или с ними произойдет непоправимое несчастье: инсульт, авария, после которой они не смогут за собой ухаживать. Эти картины появлялись в Катином воображении в самых ярких, мелких подробностях. Находясь одна, перед сном, она прокручивала их часами, воображая новые детали. Катя переживала их с такой силой, будто они уже произошли. Пугало то, что никого не было

жалко. Ни подруг, ни нянечку Веру, у которой останется больная дочка, ни пухлую Наташу Кривошееву, которая так и не увидит лучшей доли – никого. Рядом с фантазиями шла вина. Не сильная, но все же... Вина оттого, что чтобы ни произошло с ее близкими, она ни к кому не испытывает сочувствия, никому не сострадает. Она никого не любит. Откуда приходили мысли? К какому выводу хотели склонить? Почему так сильно, неотступно тревожили ее? Катя не могла с ними справиться, а потому смирилась. Самобичевание стало привычным ежедневным ритуалом, обкрадывало ее.

К шестнадцати годам Катя осознала ужас своих перспектив. Будущее трудоустройство: за прилавком магазина, в окошке киоска, в школьном гардеробе или еще где-то, отзывалось в Катином сознании серо-желтым оттенком. Цвет, чувствовала Катя, лишь ненадолго усилится замужеством, рождением ребенка, затем изменой мужа. Сама она не изменит – ей дело это казалось утомительным, неинтересным, чисто физиологическим.

Жизнь как приключение, наполненная планами и надеждами, все меньше интересовала Катю – мир представлялся банальным, предсказуемым, прогнившим. Поступки людей, если Катю попросить, она с легкостью внесет в две колонки: эгоистичные, совершенные в целях корысти, и эгоистично-бессмысленные, содеянные, чтобы подпитать свою лень.

Все более чуждым, противным становился для нее ее же путь, пока окончательно не отгородился толстой тусклой пленкой. Жилось Кате скучно, но и удобно. Подруги казались ей пустой тратой времени. Как заполнить день, прожить его с радостью, она придумать не могла. Собираясь с девочками, разговаривая о любви, близости, косметике, смотря вечерние сериалы, Катя выполняла обязательный ритуал. Нерастроченная энергия, давая о себе знать, сделала суждения ее резкими, поступки жестокими. Все чаще стала придаваться Катя бездумному критиканству, зорко высматривая промахи, недостатки, смешные черты в окружающих. Склоки, оскорбления, сквернословие – ни один день не проходил без них. Горький корень, разрастаясь, отравлял ядом всех, кто с ним соприкасался.

До этого момента Алла Дмитриевна была для Кати всё равно, что радио. Она не думала ее обижать. Вела себя обыденно. Едва заметно раздраженная, в душе брезговавшая воспитанников, в светло-сером свитере с «катышками», сошла с трамвая, чтобы провести урок. Урок математики, в которой Катя почти ничего не понимала. Так сложились обстоятельства: Катя не успела списать домашнюю работу, в журнальной графе на ее имя было мало отметок. Пятнадцать минут – треть урока – Катя простояла у доски, унижаемая той, о ком никогда не помнила, никогда не думала. Чувство ничтожности длилось недолго, перетекая в ярость: глухую, непроходимую, управляющую. Как тогда она не справилась с равнодушием, так на этот раз не справилась с гневом. В следующий вечер, подкараулив Аллу Дмитриевну, Катя избила ее. Сломала нос, ключицу, ребро.

Несмотря на месяц, который та провела в больнице, с привычной досадой наблюдая, как других женщин навещают мужья с детьми и возлюбленные, она была удовлетворена. Униженная, несчастная, Алла Дмитриевна, тем не менее, ощущала сладкий тянущий привкус злорадства. В глубине души она давно желала, чтобы с ней случилось нечто подобное. Быть избитой ненормальной – ну разве не лучшее доказательство ущербности этих детей, разве не прекрасное подтверждение тому, что они не вполне люди, их можно презирать?

Она видела для себя только одну сатисфакцию: сделать так, чтобы последствия поступка преследовали Катю, чтобы прямая Катиной жизни переломилась, уходила вниз до конца Кати-

ных дней. Когда суд ограничился «строгим выговором» и постановкой на учет в милиции, Алла Дмитриевна подняла вопрос о предшествовавшем инциденту девиантном поведении девочки. На педагогическом совете пригрозила подать жалобу в контрольно-ревизионное управление. Катю поместили в психиатрическую больницу.

Окна с решетками, двери без ручек, открываемые специальным ключом, гегемония санитарок угнетали. Дружба с девочками не прельщала. Особенно не нравились ей те, кто страдал от анорексии – смиренные тихони с конформистской бедой. Чтобы не потерять человеческое достоинство, она ежедневно делала зарядку, качала пресс и мышцы ног. По этой же причине не курила – отказалась от борьбы за сигареты, происходившей каждый вечер в туалете отделения.

Однажды ночью Катя проснулась оттого, что кто-то сидел на ее кровати. Она сильно испугалась, холодок пробежал по спине и рукам. Сделав над собой усилие, села и осмотрелась. Никого необычного не было ни на постели, ни в палате. Девочки спали тяжелым лекарственным сном. Катя залезла под одеяло, накрылась с головой. В его мягкой теплой темноте ей стало безопасно. Закрыв глаза, положив на живот руки, она стала по привычке считать. Возле лица Катя услышала мужской голос. Голос был ей незнаком. Угрожающим тоном голос приказал вращать глазами. Катя не могла не повиноваться. От напряжения и страха у нее свело мышцы шеи. К Катиному счастью никто этого не видел – стояла ночь, она была накрыта одеялом. Голос исчез также внезапно, как появился. Приступ миновал, она смогла пойти умыться, проверить, что с лицом. Четыре следующих ночи Катя не могла заснуть, она ждала, что голос вернется. Но он не приходил. Катя успокоилась, списав то, что случилось, на последствия лекарств.

Продолжив коротать больничное время, она почти забыла о случившемся. Об избивании Катя говорила с вызовом, с гордостью, почти что с бравадой. Она может защитить себя, а это уже немало. Другим девочкам приходилось быть настороже. В больнице Катю держали недолго по местным меркам – пять месяцев. Их хватило, чтобы вволю натешить самолюбие Аллы Дмитриевны. Под неусыпным контролем педагогов и воспитателей, ей предстояло училище. Учебники передали воспитатели. Катя старательно училась в отделении, положив на сердце по окончании семестра в одиночестве выпить бутылку шампанского. Будущая специальность называлась «моделирование и конструирование швейных изделий». По Катиным расчетам заработок должен быть высоким.

Курс писал тест по материаловедению. Сдав работу первой, Катя покинула класс, вышла за территорию. Стояла ранняя, такая приятная щедрым солнцем, осень. Она направилась в парк. Дойдя до пруда, опустилась на скамейку. Решила, что ей следует отдать себе один из двух приказов: смотреть на воду в пруду, что было самым подходящим, или поднять с земли оранжевый лист и любоваться им. Вода была обезображена торчащими из нее палками, пластиковыми бутылками, плавающими, как медузы, целлофановыми мешками. Смотреть неприятно, ее могут счесть странной. Взяв лист, Катя выпрямилась, изящно подогнула под себя ноги. Ни одной мысли не было в ее красивой головке, ни одной эмоции на лице. Стараясь не забывать вертеть в руках лист примерно каждые двадцать секунд, Катя чуть вздернула брови – ведь так, кажется, должна вести себя молодая романтическая девушка, жизнь которой только набирает обороты?

Пройдут десять лет. Катя станет лучшей портнихой в ателье, куда устроится по окончании училища. Сбудется ее прогноз. Цвет, с годами ставший из серо-желтого бурым, ненадолго усилится замужеством за человеком, которого Катя никогда толком не разглядит, затем рождением ребенка, которому Катя даст лишь эмоциональный холод при полном спектре заботы

физической, затем предательством мужа. Все силы и помыслы отдаст Катя делу, выстроив башенку амбиций, которые подглядит у других. Так надо, это поощряется. От скуки, для повышения авторитета, будет вступать в баталии с коллегами. Целью станет выжить того, кто как она, претендует на приз в забеге.

Не раз Катерина будет госпитализирована в психиатрическую больницу. С годами голос, что приходил в палату, вернется. Он приведет с собой другие: детские и женские, одобряющие и императивные. Они будут мучить ее, принуждать застывать в невыносимых позах. Находясь в больнице, Катя найдет лучший выход из возможных – не думать о том, что происходит, не мыслить будущего, а каждое утро заставлять себя дышать. Вдох-выдох; шаг-поворот; поручение; вдох-выдох... К, сожалению, последующие дни, дни свободной Кати, она намеренно отдаст во власть этого сценария. В самых важных моментах она выберет не то, чего по-настоящему достойна. Она выберет эрзац. Вроде и так и сойдет, вроде, на что-то похоже, этим можно быть... Изредка спрашивая себя, что хочет ее сердце, в чем ее призвание, долг, что заполнит пустоту, яму, ноющую в груди, перебрав все доступные варианты, Катя не будет находить ответа. Безволие породит больную шизофренией Катю Тумкину с миром разумных расчетливых, нормальных людей. С теми, кто ставит знак равенства между раскаянием и сожалением, с теми, для кого сожаление означает досаду оттого, что их поймали. Людей, которые редко задумываются, часто страдают. Людей, которые полжизни проводят, жалея себя, на вопросы собственных детей поспешно отвечают: «такова жизнь», и прячут глаза...

Черешня

Лена Волкова.

16 лет.

Поступает по направлению участкового психиатра. На учёте с раннего детства. Ранее неоднократно госпитализировалась с диагнозом олигофрения в степени имбецильности. Данная госпитализация связана с ухудшением состояния. При поступлении апатична, пассивна, подчиняема. Жалоб не предъявляет. Интеллектуально мнестически выраженное снижение. Словарный запас не соответствует возрастной норме. Неопрятна, за собой не ухаживает. Галлюцинаторно-бредовой симптоматики не обнаруживает. При осмотре телосложение диспластичное, астеничное, без выраженных вторичных половых признаков. Питания пониженного. На теле свежие и старые гематомы и ссадины. Локализация плечи и грудь. Со стороны неврологии без грубых нарушений.

Диагноз: олигофрения в степени имбецильности.

Пятый день июня стал счастливым в жизни Ленки. Только она об этом пока не знала. Ленка, стоя на койке, мерно приговаривала: «Я плачу...». Голос у нее был низкий, тягучий, будто Ленка говорила из утробы.

Возле дверей сидели санитарки. Одна справа, другая слева, охраняя выход из палаты. В целом, бездействуя, каждая из них с наслаждением отдавалась мещанским мыслям. «Побубнит, потом ничего, расхочется» – сказала Груша напарнице. Груша была уверенной и оттого ленивой. Хотя, скорее всего, Груша была безразличной – так думал каждый, кто сталкивался с ней в рабочие часы. Никто и не помнил, как было ее имя. То ли Любовь, а может быть, и Валентина. Все в отделении, кто мог разговаривать, давным-давно называли ее Грушей – такое было у нее сложение. Богатырский рост, широкая кость, фигура, повторяющая очертания известного фрукта. Надо сказать, что Груша на прозвище обижалась. Хотя, кто поручится, обозлилась она благодаря насмешкам пациенток, или злость поселилась в ее могучем теле задолго до прихода на должность санитарки. «Нормальный сюда работать не пойдет. Здесь же концлагерь – вот они и идут, чтоб издеваться вволю над людьми. Зарплата копеечная, зато не накажут, кто поверит психам?» – говорила Анжела, когда между девочками заходил разговор на эту тему.

– Я плачу... Я Плачу. Я ПЛАЧУ! А-а-а-а! – Ленка кинулась прочь из палаты.

Ловко, даже с озорством подставленная нога не дала ей выбежать. Коридор узкий, Ленка длинная. Носом ударилась она о плинтус. Ленке стало резко больно, она заплакала по-настоящему. Плакать Ленка умела: громко, вкладывая в плач всю свою шестнадцатилетнюю мощь. Нога, что сбила Ленку, вернулась на место. Груша – огромная, белая, не произнося ни слова, пошла доставать из сейфа аминазин.

Не сказать, что произошедшее вызвало в среде обитателей палат сострадание к Ленке. Эти случаи были привычны, на Ленкины беды никто не обращал внимания. Плача, она раздражала остальных девочек, ведь за девочку ее никто не считал. Ну что может быть за девочка, которая заявляет с гордостью: «Я выдираю волосы из своей курицы и ем их!». А затем это демонстрирует. Все потешались над ее выходкой. Те в особенности, кто этому ее научил. Каж-

дая могла и любила пнуть Ленку ногой, облить кофейным напитком из столовой. Ее обучили пить из унитазов, вылизывать ерш.

К Ленке редко приезжала мама. Если и бывала, то делала все скоро, деловито: быстро кормила Ленку, быстро переодевала. Омерзительно ей было с Ленкой находиться. Бывали у Ленки в палате монахини, но приходили они не к ней. Они заботились о тех, кто болел очень сильно, не мог есть, передвигаться. Когда бывали монахини, Ленка пристраивалась за их спинами и долго, внимательно могла наблюдать как они моют, переодевают, кормят.

Пятого июня мама приехала повидать Ленку. Приехала с черешней, шестилетним бра-тиком, с мужем. Он не был Ленке папой, а черешни был целый пакет. Может быть, даже кило-грамм или полтора. Благодаря красивым большим сочным ягодам Ленка со своим пакетом на целых полчаса превратилась в центральную фигуру отделения.

Девчонки, не обращая внимания на смрадный запах, сев плотным рядом, ели на Лен-киной кровати. Благо, скупости в Ленке не было.

– Ленка, ты про секс что знаешь? – томным ироничным голосом спросила отщепенца Анжела.

– Не знаю... – утробно протянула Ленка.

– Да она и слова-то такого не слышала, – откомментировали остальные.

– Ты лучше скажи, Лен, мужчина был у тебя?

– Был, – все с тем же выражением ответила она.

Последовал взрыв смеха. Но кто-то продолжил:

– А кто у тебя был? – девочки хихикали, предвкушая нелепый ответ.

– Дядя Гоша.

– Кто это, дядя Гоша?

– Он не мой папа.

Девочки переглянулись.

– Лен, покажи – как ты с ним была...

И Ленка худыми длиннющими руками и ногами показала...

В этот момент зашла в палату Ленкина мама, а с ней маленький брат, и дядя Гоша. Девочки замолчали. От нового страшного знания дядя Гоша стал похож на дьявола. Захоте-лось выкрикнуть ему что-то ужасное, обидное, чтобы все кругом узнали. Только одна Ленка, раз подняв на них огромные серые глаза, продолжала есть. Видимо, ничего не понимала. Те засобирались. Когда уходили, никто не попрощался. Ленкина «семья» не считала Ленку и дев-чонок за людей, девочки прощаться тоже не стали.

На тихий час все разошлись по своим кроватям. Каждая лежала и чувствовала что-то свое, глубокое, как будто это случилось с ней, а не с Ленкой. Подошел к концу дневной отдых, отмерцал никем не замеченный летний день. Жестокость вновь засверлила в девочках, забрез-жила. Потихоньку, начиная с малого, Ленка вновь стала для них уродом. Что нам, скучно

жить, больно жить. Ленка не обидится – она не умеет. Полежит ночь, попричитает: «Я плачу, я плачу». *Что* она нам сделает?

Анжела

Анжела Парамонова.

17 лет.

Поступает по направлению участкового психиатра. К специалисту девушку привела мама, которая обратила внимание на изменение состояния душевного здоровья. Со слов матери, девушка замкнулась, почти перестала есть, проводит большинство времени в постели, настроение постоянно снижено. Незадолго до этого эпизода стала проявлять повышенное внимание к своей внешности. Контактна, на вопросы отвечает в плане заданного, внешне гипомимична, фон настроения снижен. Жалуется на потерю энергии, отсутствие аппетита, сниженное настроение более чем в трёхнедельный период. Своих переживаний до конца не раскрывает, упоминает, что обеспокоена своей внешностью. Соматически питания пониженного. Без патологических рефлексов. Судороги, потери сознания отрицает. Отмечает нарушение месячного цикла.

Диагноз: астено-депрессивный синдром, дисморфофобия.

Поначалу ее хотели назвать Машей, но экзотика взяла свое. Анжела была мулаткой. Обладательница черных, в разные стороны курчавившихся волос. Фигура Кармен – коренастая и крепкая. Широкий нос, пухлые губы – все это составляло заслугу отца, которого Анжела никогда не видела, даже не знала, как того звали. С русской стороны ей достались глаза: синие и холодные – от мамы; отчество Васильевна – от бабушки.

С самого детства она была независимой. Независимой была и мама Анжелы, Ирина Васильевна. Так, по крайней мере, считалось среди маминых родственников и друзей. Жили они всегда порознь, словно две сожительницы. Даже в самом юном Анжелином возрасте мама предпочитала восполнять лишь материальные потребности дочки. Накормила, постирала – гуляй себе, иди. Встанет иногда маленькая Анжела рядом с мамой, и хочется ей обнять ее, приложиться головой к маминой груди и уснуть. А чувствует – нельзя ей. Мама холодная сидит, даже не смотрит. Какие тут объятия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.